

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПЛАНОВОЙ ЭКОНОМИКИ СССР

Андрей ВАГАНОВ

DOI: 10.7868/S0233361923110010

1928 год был знаменателен в одном, возможно – самом важном для Советского Союза (а, пожалуй, и для всего мира) отношении. Это был год начала первой пятилетки в СССР.

* * *

В России всегда стремились открывать системы. Ни больше ни меньше. Иррациональная, казалось бы, полумистическая уверенность русских в том, что любой закон – это всего

лишь элемент чего-то трансцендентного, поразительна. России нужен не просто закон – Всеобщий закон, Система. Западу предоставлено исследовать в этом универсуме лишь законы, пусть и фундаментальные. Для русского эрза даже закон всемирного тяготения – частность. Российский гений не согласен на частности – его может устроить только абсолютное и всеобъемлющее целое. Именно Универсум. Стремление (мечта) овладеть Космосом (пространством) и Хроносом (потокм времени, самой историей) – это онтологическая

черта людей, подпавших под влияние этого исполинского поля пологого рельефа, необозримых, плавно перетекающих одна в другую равнин – Русской, Туранской, Западно-Сибирской...

Идея планирования идеально соответствовала этому психотипу. Универсальный инструмент такого планирования был как раз и предложен в 1928 году – пятилетний план. Интересно, что с 1923 по 1926 год в СССР существовала Лига “Время”. Цель – “Борьба за правильное использование и экономию времени во всех проявлениях общественной и частной жизни граждан СССР как основное условие для проявления принципов научной организации”, как было сформулировано в её уставе, принятом 30 июля 1923 года¹. Идея Лиги “Время” охватила весь СССР. Ячейки лиги создавались в частях Рабоче-крестьянской Красной армии, на заводах и фабриках, в организациях. В это объединение входили, например, и один из высших руководителей государства в то время Лев Троцкий, и психолог-марксист, автор футуристической “науки о Сверхчеловеке” коммунистического будущего и новой психологической теории сознания Лев Выготский. «Для чего была создана лига? Для того, чтобы решить одну проблему. Какую? Выяснилось, что русские не ценят время. У них нет сознания ценности времени, из-за этого русские склонны к своеволию, к неподчинению порядку. Они думают, что вздумается, приходят и уходят, когда хотят. Для искоренения этого недостатка стал издаваться журнал “Время”», – замечает российский философ Ф.И. Гиренок².

Идея планирования, обуздания пространства и времени (каноническая формула этой идеи запечатлена в из-

вестном “Марше авиаторов” (1923): “Мы рождены, чтобы сказку сделать былью, / Преодолеть пространство и простор...”³) уже давно была подмечена историками, философами, антропологами.

“Во время сталинской революции к большевистской эсхатологии прибавилось второе великое испытание (в виде самой сталинской революции). ЦК партии последовал примеру св. Августина, объявив тысячелетнее царство аллегорией. <...> Воцарение коммунизма неизбежно и в то же время непредсказуемо (“так придёт, как тать ночью”); социализм как прелюдия к вечности “в основном” построен. Как сказал Киров: “Главнейший вопрос пролетарской революции решен теперь бесповоротно и окончательно в пользу социализма”. Причин для разочарования не осталось. В основании социализма не было трещин, и ничто не преграждало дорогу в будущее. Современники Сталина не могли не видеть очертания и красоту здания социализма. 1930-е годы были временем <...> отменившим старость и, возможно, смерть”³.

Фанатичная одержимость планом. План, проект, стратегия, программа, цифра – альфа и омега советского социально-экономического бытия. Впрочем, не только социально-экономического. Казалось бы, сугубо поэтический образ, – “преодолеть пространство и простор”, – понимался буквально. Известный отечественный биолог, профессор Борис Михайлович Завадовский в 1927 году, рассказывая об экспозиции Биологического музея имени К.А. Тимирязева, чётко сформулировал эту мысль: “Основной мотив всех попыток науки в её экспериментальных подходах к явлениям природы состоит в стремлении взять эту

¹ Что такое Лига “Время” // “Красная газета. Вечерний выпуск”, Петроград, 31 июля 1923 г.

² Гиренок Ф.И. “Свобода и судьба. Что мы поняли благодаря пандемии?”, М.: Проспект, 2020. С. 13.

³ Слезкин Ю.Л. “Дом правительства. Сага о русской революции” / М.: АСТ Corpus, 2019. С. 445. (historia).

природу в свои руки, подчинить её закономерности, плановому началу и руководству со стороны человека”⁴.

Российский эрос здесь явлен в предельной своей форме: вся Природа должна быть подчинена плановому началу. Результат – это уже вторично. План (означающее) отрывается от реальных (означаемого) и превращается в символ особого рода – забывший свое значение.

* * *

Западные исследователи этого феномена до сих пор не скрывают своего изумления. “Начало советской промышленной революции было положено 1 октября 1928 года с введением в действие первого пятилетнего плана. <...> Первый пятилетний план принёс с собой новый метод управления – централизованное планирование, – отмечает известный профессор экономической истории Оксфордского университета Роберт С. Аллен. – В первой пятилетке, для которой в общих чертах был обрисован сценарий экономического роста, на смену общим программам пришли директивы. Для реализации плановых задач к началу 1930-х годов на народные комиссариаты была возложена обязанность определения целевых показателей годовых объёмов производства в различных секторах экономики и их распределения между отдельными предприятиями. Целевые планки устанавливались для всех аспектов, включая производительность, затраты и уровень занятости, но показателям объёмов производства всё же придавалось наибольшее значение”⁵. Термин “директивное

планирование”, возникший тогда, если вдуматься – оксюморон, сверхусилие в сочетании с забытой целью. А это и есть фанатизм. Интересна, конечно, сама психология таких людей – искренних фанатиков...

Один из них, будущий легендарный руководитель Госплана СССР, а в то время – делающий успешную академическую карьеру учёного-политэконома, Николай Алексеевич Вознесенский, как раз тот редкий случай исключения, который подтверждает правило. Он помнил, и даже сам приложил все свои интеллектуальные силы, чтобы теоретически обосновать достижимость цели – коммунизма.

Дело оставалось за малым: найти (создать) механизм, инструмент для достижения (реализации на практике) этой цели. Идея планирования, управления движением истории, оказалось, идеально ложится в эту концепцию.

“Центральная задача первой пятилетки заключалась в том, чтобы стремительными темпами изменить исторические, доставшиеся в наследство от капитализма пропорции распределения общественного труда в сторону решительного усиления производства средств производства (I подразделение общественного производства) и увеличения его доли во всей продукции народного хозяйства. Создать собственную индустриальную базу для социалистической реконструкции народного хозяйства и для укрепления обороноспособности страны – такова была задача. Внешние и внутренние противоречия нашего развития диктовали необходимость формирования разрешения этой задачи”, – напишет в 1933 году в журнале “Большевик” Вознесенский⁶.

⁴ Проф. Б.М. Завадовский. “Физиологические опыты и демонстрации” // “Прожектор”, № 10 (104), 31 мая 1927 г.

⁵ Аллен Р.С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции / Роберт С. Аллен. Пер. с англ. М.: РОССПЭН; 2013. С. 127, 128. (История сталинизма).

⁶ Н. Вознесенский. “О социалистическом расширенном воспроизводстве в первой пятилетке” // Академик Н.А. Вознесенский. Сочинения. 1931–1947 / сост. Л.А. Вознесенский. М.: Наука, 2018. С. 146

“Николай Алексеевич Вознесенский был новым типом учёного марксистско-ленинской школы, который одновременно объясняет и перестраивает мир, – вспоминал коллега Вознесенского, заместитель председателя Госплана СССР в 1941–1945 годах. Геннадий Михайлович Сорокин. – В нём нераздельно сливались теоретик и практик, он проводил свои идеи в жизнь и отвечал за их практические последствия”⁷.

Сам Вознесенский чутко и чётко формулирует это, казалось бы, невыразимое ощущение управляемости потока исторического времени: “Стихия в условиях победоносного строительства социализма силу закона развития приобрести не может”⁸. А что может приобрести такую силу? На этот вопрос Николай Алексеевич даст развёрнутый ответ в одной из первых своих больших теоретических статей – “К вопросу об экономике социализма”: «В 1930 году на XVI съезде ВКП(б) Сталин заявил: “Мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства”. Социалистический сектор из ведущего участка народного хозяйства превратился в абсолютно преобладающий. Это означало, что Страна советов вступила в период социализма. Вместе с тем изменилась и роль плана. Выражая абсолютное преобладание социалистических производственных отношений в стране, социалистический план из ведущего начала стал абсолютно преобладающим во всем народном хозяйстве, он охватил все звенья народного хозяйства и не только в промышленности, но и в земледелии,

как в планировании материальных ценностей, так и в плановом распределении рабочей силы. В плановую работу вовлечены миллионы рабочих и колхозников. Борьба со стихией вступила на новую ступень... <...> Завершение построения фундамента социалистической экономики в СССР окончательно закрепило роль плана, как абсолютно преобладающей экономической формы движения. План теперь определяет развитие сельского хозяйства, а не только является в нем ведущим началом»⁹.

* * *

А началось движение к тому состоянию, о котором пишет Н.А. Вознесенский, в зимней предновогодней Москве, 2 декабря 1927 года. Больше двух недель, до 19 декабря, здесь проходил XV съезд ВКП(б).

На съезде присутствовало 898 делегатов с решающим голосом и 771 с совещательным, представлявших 887 233 члена партии и 348 957 кандидатов. Директивы по составлению 5-летнего плана развития народного хозяйства значились пятым пунктом из семи повестки дня съезда. Эпоха относительно либеральной “Новой экономической политики” (НЭП), проводившаяся, со всеми оговорками, до 1928 года, закончилась.

В декабре 1927 года директивы по первому пятилетнему плану строились по двум основным осям: оборона от внешнего врага и приоритетное развитие тяжёлой промышленности (индустриализация). “Пятилетний план народного хозяйства должен испытать на себе особое давление международных моментов в связи с обострением отношений между капиталистическими государствами и СССР.

⁷ Г.М. Сорокин. “Талантливый теоретик и организатор планирования. К 70-летию со дня рождения Н.А. Вознесенского” // Академик Н.А. Вознесенский. Сочинения. 1931–1947 / сост. Л.А. Вознесенский. М.: Наука, 2018. С. 572

⁸ Вознесенский Н.А. “Борьба за план в современный период” // «Правда», 8.10.1931. № 278.

⁹ Н. Вознесенский. “К вопросу об экономике социализма” // “Большевик”, № 23–24, 30 декабря, 1931. С. 45.

Учитывая возможность военного нападения со стороны капиталистических государств на пролетарское государство, необходимо при разработке пятилетнего плана уделить максимальное внимание быстрейшему развитию тех отраслей народного хозяйства вообще и промышленности в частности, на которые выпадает главная роль в деле обеспечения обороны и хозяйственной устойчивости страны в военное время.

К вопросам обороны в связи с построением пятилетнего перспективного плана необходимо не только привлечь внимание плановых и хозяйственных органов, но и, самое главное, обеспечить неустанное внимание всей партии. С другой стороны, при построении пятилетнего плана должна быть точно так же учтена возможность неурожая после ряда урожайных лет"¹⁰.

Вокруг темпов и объемов этой индустриализации и возникали не столько теоретические экономические, сколько идеологические коллизии. Одно из главных обвинений подсудимым в громком деле так называемой "Промпартии", будет состоять в том, что они считали разумным более постепенные темпы индустриализации. А директивы по индустриализации на XV съезде ВКП(б) были выдвинуты действительно грандиозные.

"В области промышленности необходимо отметить следующие важнейшие проблемы: во-первых, соотношение между производством средств производства и производством предметов потребления, т.е. между тяжелой и легкой индустрией; во-вторых, соотношение между числом новых строящихся промышленных единиц и сроками их окончательной постройки (в свя-

зи с опасностью увязать непосильно большие средства на слишком широком фронте капитального строительства при длительной невозможности их реализации); в-третьих, – соотношение между себестоимостью продукции и заработной платой; наконец, соотношение между производством для нужд внутреннего рынка и экспорта, с одной стороны, и для обеспечения обороны страны – с другой.

В соответствии с политикой индустриализации страны в первую очередь должно быть усилено производство средств производства с тем, чтобы рост тяжелой и легкой индустрии, транспорта и сельского хозяйства, т.е. предъявляемый с их стороны производственный спрос был в основном обеспечен внутренним производством промышленности СССР. Наиболее быстрый темп развития должен быть придан тем отраслям тяжелой индустрии, которые поднимают в кратчайший срок экономическую мощь и обороноспособность СССР, служат гарантией возможности развития в случае экономической блокады, ослабляют зависимость от капиталистического мира и содействуют преобразованию сельского хозяйства на базе более высокой техники и коллективизации хозяйства. Поэтому особое внимание должно быть обращено на скорейшее осуществление плана электрификации, развитие черной и цветной металлургии, в особенности в части качественных металлов, развитие химических производств, в особенности в части производства искусственных удобрений, дальнейшее развёртывание добычи угля, нефти и торфа, общего и сельскохозяйственного машиностроения, судостроения, электропромышленности, золото-платиновой промышленности"¹¹.

¹¹ Там же. С. 337.

¹⁰ Пятнадцатый съезд ВКП(б). Москва, 2–19 декабря 1927 г. "О директивах по составлению пятилетнего плана народного хозяйства" / Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II, 1925–1953. М.: Изд-во политической литературы, 1953. – с. 332

Даже современные историки экономики, которые ретроспективно в целом скептически оценивают и сам принцип “директивного планирования”, и результаты применения этого метода, тем не менее признают, что в конце 1920-х в СССР удалось запустить “маховик беспрецедентно стремительной промышленной революции”¹². Тот же Роберт С. Аллен, отмечает, что в 1928–1940 годах ежегодный прирост экономики в СССР составлял 5,3%, «что является весьма внушительным показателем даже по меркам “восточноазиатского чуда”».

Однако впадать в эйфорию по поводу советского “восточноазиатского чуда” тоже не следует. Известный российский статистик и историк экономики Г.И. Ханин и экономический публицист Василий Селюнин в своей совместной статье “Лукавая цифра” в журнале “Новый мир” отмечали ещё в 1988 году: “Принято считать, что в довоенный период темпы развития были исключительно высокими. Действительно, построено множество предприятий, появились новые отрасли в экономике. Однако прогресс ограничился в основном тяжёлой промышленностью, строительством и транспортом. Аграрный же сектор экономики переживал застой (как известно, по сбору зерна и поголовью скота уровень 1928 г. был достигнут и превзойден только в 1950-е гг.). За 1929–1941 гг. национальный доход возрос в полтора раза. Темп отнюдь не рекордный. В 1930-е гг. наблюдалось наибольшее за всю нашу историю повышение материалоемкости продукции и снижение фондоотдачи”¹³.

В 1929–1933 годах основные фонды промышленности, которые к тому времени находились в катастрофическом

состоянии, были обновлены, согласно официальной статистике, на 71.3%, причем не менее 2/3 – за счёт импорта¹⁴. Вообще, по экспертным оценкам, за период индустриализации в СССР ввезли 300 тысяч станков. За первую пятилетку (1928–1932 годы) в СССР в капитальное строительство было вложено 8 млрд рублей – вдвое больше, чем за предыдущие 11 лет. (Заметим, что по оценкам того же Г.И. Ханина, среднегодовые темпы прироста основных производственных фондов составляли только 5.3%¹⁵; то есть 71.3% никак не набирается.)

Особенно высока в общем объёме ввозимых в СССР товаров была доля машин и оборудования. И этот показатель в первой пятилетке шёл нарастающим темпом: в 1929 году – 30.1%; в 1930 – 46.8%; в 1931 – 53.9%; в 1932 – 55.7%. Советский Союз вышел на первое место в мире по импорту машин и оборудования. В 1931 году около одной трети, а в 1932 году – около половины мирового экспорта машин и оборудования направлялось в Советский Союз¹⁶.

Этот феномен, конечно, не мог не привлечь внимание во всем мире. В свою очередь и в СССР внимательно следили за тем, как реагируют за рубежом на пятилетний план. Даже позитивные западные оценки первого пятилетнего плана в СССР воспринимались весьма настороженно. «Социал-фашисты пытаются “доказать” рабочему классу капиталистических стран возможность планового хозяйства при капитализме, возможность “социализации” помимо пролетарской революции, – напишет Н.А. Вознесенский в начале 1933 года. – Они не прочь

¹⁴ Рязанов В.Т. “Экономическое развитие России. Реформы и российское хозяйство в XIX–XX вв.” / СПб.: “Наука”, 1998. С. 45.

¹⁵ Ханин Г.И. Цит. соч. С. 37.

¹⁶ Фонотов А.Г. “Россия: от мобилизационного общества к инновационному” / М.: Наука, 1993. С. 134.

¹² Аллен Р.С. Цит. соч. С. 127.

¹³ Ханин Г.И. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: 2020. С. 25.

“признать” успехи планового хозяйства СССР, они не согласны “только” с методами большевиков, т.е. с железной диктатурой рабочего класса. “Теоретики” социал-фашизма пытаются скрыть от масс ту элементарную истину, что не всякое человеческое общество “способно” к плановому воспроизводству, что эта “способность” создается лишь пролетарской революцией, диктатурой пролетариата, революцией в самом способе производства»¹⁷.

Любопытно, что это возведение диктатуры пролетариата в статус эксклюзивной “национальной ценности” – а именно на этом акцентирует внимание в приведенном отрывке Н.А. Вознесенский – фактически иллюстрирует и обосновывает теорию мирового заговора сил империализма против СССР. Отсюда, кстати, и вся эта идеология шпиономании, охватившая страну в конце 1920-х – “Шахтинское дело”, дело “Промпартии”, “Академическое дело”...

* * *

Однако нельзя не отметить, что на западе, вполне понимая значение сугубо экономической стороны пятилетнего плана, зачастую жёстко оппонировав самой методологии создания первого пятилетнего плана, оспаривая его итоги, тем не менее были поражены психологическим воздействием его. Серьёзные исследователи оценили этот аспект планирования очень быстро. Например, немец Гюстав Меке в 1932 году выступил в авторитетном научном французском журнале *Annales d'histoire économique et sociale* (“Анналы экономической и социальной истории”) с развёрнутым социально-экономическим и психологическим (даже – идеологическим) анализом пятилетнего плана в СССР.

“В пятилетнем плане при всем обилии революционной шумихи прежде всего заключена некая русская идея, более того, собственно русская идея, – отмечал Меке. – Пятилетний план экономического развития России – это не что иное, как переложенная в цифры вечная борьба России за свою независимость. Разве не существует, на самом деле, глубинной аналогии обозначенных Сталиным целей с целями, ставившимися Петром Великим? Оба хотели за более или менее короткий период привить России все лучшее, что создано иностранными технологами, чтобы позволить российскому государству (а теперь государству Советов) быть готовым к любым неожиданностям. <...> Это и есть русская идея, представленная в практической и даже материалистической форме и приводимая в жизнь революционными методами. <...>

Повторим это еще раз: в пятилетнем плане доминирует вечно существовавшая русская идея; во всяком случае *cum grano salis* (с некоторыми оговорками. – лат.). Эту идею большевики сумели превратить в идею основополагающую. К русской мощи они добавили большевистскую волю. Следует признать, что если каждый русский коммунист в отдельности мог отдаваться эйфории утопии, то как коллектив, как партия они всегда были ужасающими реалистами. При разработке пятилетнего плана коммунистическая партия исходила не из гипотез. Она трезво оценила потребности и возможности страны. <...> К американской технике, которую они ревностно берут на вооружение, русские добавляют и нечто совершенно свое. Это план”¹⁸.

¹⁸ Меке, Гюстав. “По поводу пятилетнего плана” // *Анналы экономической и социальной истории. Избранное* / Пер. с фр. М.: ИД “Территория будущего”, 2007. С. 117–165 (“Университетская библиотека Александра Погорельского”).

¹⁷ Н. Вознесенский. “О социалистическом расширенном воспроизводстве в первой пятилетке” // “Большевик”, № 4, 28 февраля, 1933. С. 45.